

СТАТЬИ

КОНЦЕПТ «МЫСЛЬ» В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (на материале текстов художественной литературы)

М.В. Румянцева

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, язык, концепт, культурный код, метафоричное сравнение.

Keywords: linguaculturology, culture, language, concept, cultural code, metaphorical comparison.

DOI 10.14258/filichel(2021)2-01

Введение
Современная лингвистика снова обратила свой взор на философскую проблему взаимосвязи языка и мышления и пытается найти ответы на возникающие вопросы вместе с культурологией и концептологией. В последнее время наблюдается особый интерес ученых к вопросам закономерностей глубинного языкового механизма, потому что язык как универсальная энциклопедия фиксирует результаты познания мира каждого народа на протяжении всей его истории и отражает народную культуру. Пришло время понять, «что и каким образом когда-то открывали для себя наши предки, восстановить, хотя бы в общих чертах, картину их познания мира и объяснить себе эти достижения как успех цивилизации и человеческого духа в их национальных формах — потому что любая культура ... рождается и развивается в национальных формах» [Колесов, 2000, с. 8].

Хранилищем базы знаний народа является концептуальная картина мира, которая зиждется на сложных многоуровневых концептуальных системах, представляющих собой всевозможные модели осмысления и описания мира. Единицей ментальности сегодня считаются концепты данной культуры как некие обобщенные образы, с помощью которых человек мыслит. При когнитивном подходе концепт есть принадлежность сознания человека, квант структурированного знания [Антология концептов, 2005, с. 7]. Концепт можно понимать и как единство ментального акта и его результата. С лингвокультурологической точки

зрения концепт характеризуется как ключевое слово культуры, культурный фокус, опорная точка менталитета, «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 40], «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачёв, 2001, с. 52–59]. Оба указанных подхода к изучению концептов дополняют друг друга, поскольку «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу, в конечном счете — на культуру народа» [Карасик, 2001, с. 139].

Актуальными на данном этапе развития лингвокультурологической науки стали исследования ключевых концептов внутреннего мира, преломленных сквозь призму культурных кодов. Культурные коды, по мнению ученых, есть «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, Пименова, 2016, с. 3–12]. Под внутренним миром понимается совокупность моделей интеллектуального (ментального) и эмоционального мира человека как представителя определённой этнической группы. Эмоциональную сферу внутреннего мира, представленную в свете культурных кодов, мы уже исследовали ранее (см.: [Румянцева, 2019, с. 52–65]). В данной статье проведен анализ культурных кодов, которыми в русской лингвокультуре представлен ментальный концепт *МЫСЛЬ*.

Основная часть

Как известно, концепты реализуются разнообразными языковыми способами и средствами. В задачи нашего исследования не входит описание всей структуры концепта *МЫСЛЬ* в его языковом выражении. Полно и интересно такое описание представлено в работе Е.П. Бондаревой [Бондарева, 2005]. Нас интересует, какими концептуальными метафорами, реализуемыми образным (метафорическим) сравнением, этот концепт представлен в языке художественной литературы. Под концептуальной метафорой (*conceptual metaphor*), вслед за Дж. Лакоффом, понимаем способ думать об одной области через призму другой [Lakoff, 1993, с. 206]. Метафора позволяет человеку понимать абстрактные или неструктурированные сущности в терминах более конкретных [Lakoff, Johnson, 1980]. Чтобы описать нечто невидимое, человек соотносит его с тем, что ему уже известно, и пользуется теми ресурсами, которые уже существуют в языке. Так, внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего мира, а источ-

ником описания концептов ментального мира человека является физическая лексика, которая используется во вторичных значениях. В свою очередь, способность человеческого сознания соотносить явления из разных сфер окружающего мира лежит в основе системы культурных кодов, создающих «систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [Красных, 2003, с. 146–148].

Анализ образных сравнительных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из текстов русской художественной литературы, где концепт *МЫСЛЬ* является референтом сравнения, показал, что самыми частотными в качестве агентов сравнения здесь выступают лексемы, репрезентирующие собой космический код культуры. И это не удивительно, так как космизм вообще считается одной из основных черт русской культуры и русского мироощущения. Он подразумевает, что «природа богосотворена, что она участвует в диалоге с нами, что к ней нужно относиться радушно, серьезно, бережно, как к ближнему» [Мяло, 1996, с. 83]. Способность человека мыслить всегда считалась промыслом Божиим. А так как первым известным нам божеством наших предков-крамольников был бог солнца Ра, то и мысль человеческая сравнима с солнцем, которому всё живое обязано своей жизнью на Земле: *И есть безмернейшее наслаждение — золотое солнце жизни, человеческая мысль!* (А.И. Куприн, 1983). Своей способности мыслить и выражать свои мысли посредством слов человек обязан тем, что отличим силою своей же мысли от мира животных. Мышление (мысль) всегда сопровождается звуком внутренней речи, поэтому оно неотделимо от слова: *Рождались замыслы, крепили силы, накапливался жизненный опыт, и вот-вот, как солнечный диск из-за гребня гор, должно было вспыхнуть где-нибудь гениальное слово* (К. Паустовский, 1968).

Из примеров видно, что мысль наделяется способностью вспыхивать, рождаясь, блестеть, сверкать как звезды. Поэтому мысль, чистоту вселенского света которой нельзя затмить ничем, сравнима с разными космическими объектами, например, с другими звездами нашей Галактики: *... человеческая мысль резко сверкает сквозь века подобно голубой звезде Вега, как бы вобравшей в себя весь свет мирового пространства. Никакие «черные угольные мешки» вселенной не могут затмить этой чистейшей звезды* (К. Паустовский, 1968). Мысль подвижна, она может уходить, зреть на просторах Вселенной и снова возвращаться, как комета: *Жизненные мысли, в которых растет человек, обращаются, как кометы: придут, почешутся и опять уйдут дозреть* (М. Пришвин, 1957).

В наивной картине русского народа *мысль* есть также поток некой невосомой энергии, состоящей из невидимой человеческому глазу материи,

которая существует в мировом пространстве и воздействует на окружающий мир: ... *мысль человека — это как бы ток от таинственного, еще неведомого центра, это какая-то широкая напряженная вибрация невесомой материи, разлитой в мировом пространстве и проникающей одинаково легко между атомами камня, железа и воздуха. Вот мысль вышла из моего мозга, и вся мировая сфера задрожала, заколебалась вокруг меня...* (А.И. Куприн, 1993). Энергетическая мощь мысли сравнима с энергией разряда молнии. Сегодня ученым удалось сделать фотографии мысли, которая выходит из мозга человека в виде молнии или потока энергии, а народное сознание в лице писателей и поэтов, как видно из примеров, намного раньше обладало таким представлением: *Как зигзагная молния, прорезала мне голову мысль* (В. Брюсов, 2007). Научная картина мира еще только начинает постигать невидимый мир человеческого сознания. Утверждение, что мысль материальна, в работах таких ученых, как В. Вернадский и А. Чижевский [Вернадский, 1991; Чижевский, 1999] — это первый шаг к научному постижению тайны мысли. Следовательно, в наивной языковой картине мира, которая досталась нам от наших предков, содержатся некие знания о сущности бытия, в частности о том, что вся разумная жизнь существует в изначальной неделимой целостности.

Вторым по частотности проявления метафорических признаков концепта *МЫСЛЬ* является природный код. И здесь снова видим приписываемые мысли признаки потока (но теперь уже водного), функционирующие в метафоре *мысль — вода*. В сознании народа мысль способна течь, просачиваться, наполнять собой что-либо, кипеть, бурлить, мчаться и т.д. Набор языковых средств для репрезентации концепта *МЫСЛЬ* достаточно разнообразен, он представлен лексемами, указывающими на все возможные состояния воды, такие как *вода, ручей, ключ, родник, река, омут, волна, море* и даже *облако, туча и лед*: *Все наши слова и мысли — это ручейки, тонкие подземные ключи. ... они встречаются, сливаются в родники, просачиваются наверх, стекаются в речки — и вот уже мчатся бешено и широко в неодолимой Реке жизни* (А.И. Куприн, 1983). Из примера следует, что мысли по своей интенсивности бывают разные, но они никогда не стоят на месте, приходят и снова уходят, вернее, утекают, как вода в реке: *Мысли являются и утекают, как волжские струи* (И. Гончаров, 1953). Мыслям свойственны и такие признаки стихии воды, как глубина, ясность, понятность / неясность, мутность: *Матвей Дышло ... часто думал про себя такое, что никак не мог бы рассказать словами. И никогда еще в его голове не было столько мыслей, смутных и неясных, как эти облака и эти волны, — и таких же глубоких и не-*

понятных, как это **море** (В. Короленко: Русская проза первой половины XX века, 2003). Красивые, ценные, но обрывочные мысли похожи на брызги воды: ... *мысли срывались, как изумрудные брызги с янтарного весла* (В.В. Личутин, 2001). Примечательно, что местом концентрации мысли может быть не только голова. Например, самые потаенные мысли человека прячутся глубоко в его сердце, откуда их можно черпать, как воду из колодца: *Помыслы в сердце человеческом — глубокая вода, но и их умел вычерпывать мудрый царь* (А.И. Куприн, 1993).

Мысль загорается, приходит, уходит. Иногда человек бывает не готов к приходу мысли, и тогда он теряется перед ней, становится беспомощен, как перед морской волной, которую не способен обуздать: *Вот когда мысль приходит сама, человек теряется, как будто это волна пришла, и за первой волной — целое море* (М. Пришвин, 1957). ...*вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море* (И.А. Гончаров, 1953). Но если человеку удастся настроить свой мозг и сердце на прием мысли, услышать её и зафиксировать словесно, тогда можно утверждать, что эта мысль переживет всё, медленно перетекая в новые мыслеформы: *Как будто весенний поток выбросил эту мысль, как льдину на берег. И вот вода, выбрасывающая льдину, давно уже в море исчезла, а льдина все лежит, лежит и тратится только по капельке* (М. Пришвин, 1957). Под влиянием человеческой мысли и человеческого труда, что, по мнению В.И. Вернадского, является естественным природным процессом, биосфера переходит в свое новое состояние — ноосферу, сферу разума. И подобно тому, как точит камень вода, человеческое творчество является реальной энергетической силой, оказывающей влияние на ход истории: *Мысль человека подобна воде, размывающей первозданную породу скалы: не будь воды — скала была бы бесплодной, не будь скалы — вода бы осталась без дела, и только взаимодействие воды и скал намывает плодородную почву* (М. Пришвин, 1957). Академик В.И. Вернадский в своих трудах писал, что на определенном этапе развития человечество вынуждено будет взять на себя ответственность за дальнейшую эволюцию планеты. Перед ним откроется огромное будущее, если оно не будет употреблять свой разум и труд на самоистребление [Вернадский, 1991]. Когда человек научится разумно управлять мыслями, то обретет способность творить жизнь такую, какой хочет ее видеть.

Еще один код, которым в русской лингвокультуре представлен концепт **МЫСЛЬ**, — это код биоморфный, самый сложный по своей структуре на сегодняшний день из всех кодов. В русской лингвокультуре мысль — не абстрактность, не вещество, но существо духовного плана со всеми признаками самодовлеющего существования.

Антропоморфная часть биоморфного кода культуры представлена лексемой *дети*. У М. Пришвина находим сравнение мыслей с детьми, которые, прежде, чем родиться, определенное время вынашиваются во чреве матери. Полагаем, что речь идет не о суетных, а имеющих по своему значению некоторый вес для человека и общества мыслях: *Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет* (М. Пришвин, 1957). Мысли — это такие же неотделимые от человеческого бытия явления, как жизнь и смерть: *Мысли теряли свою словесную сущность и становились такими же явлениями жизни, как ... человеческие голоса, крики измученных ночными дождями ишаков, как рождение и смерть* (К. Паустовский, 1968).

Богата группа зооморфных признаков исследуемого концепта. Она находит свое место в анималистском (наименования животных); орнитологическом (наименования птиц) и энтомологическом (наименования насекомых) субкодах. Объясняется это тем, что зоонимы способны часто употребляться не в прямом значении, выполняя свою прагматическую функцию, а обозначают широкий круг категорий, в который входят и категории ментального мира. Мысли в сознании народа чаще всего сравнимы не с отдельно взятым животным, а с их большим количеством. Так, анималистский субкод представлен обобщающей лексемой *зверьки* для описания мелких суетных мыслей: *Внезапно из далекого прошлого выбегают серенькие мысли, как маленькие хвостатые зверьки* (М. Пришвин, 1957). Лексема *стада*, употребленная во множественном числе, вербализует метафору **мысли — животные**, подразумевая несметное количество домашних или диких животных, а соответственно и мыслей: *И мысли все улеглись в ленивой дреме, как в полдень стада* (М. Пришвин, 1957).

Так же с использованием множественного числа метафорически переосмысляются мысли в образе птиц, репрезентируя признаки орнитологического субкода, такие как *летать, имея крылья, кружить, биться*: *Мысли, как воробьи, разлетались во все стороны* (Н.Г. Гарин-Михайловский, 1977). В нашем исследовании метафору **мысли — птицы** представляет и обобщающая лексема *птицы*: *... плыли, как плывет воск, воркуньи-мысли — глупые птицы вокруг стынущего трупа* (А.М. Ремизов, 2000). Этот пример говорит о том, что в русском сознании мысль после физической смерти человека продолжает жить как самостоятельная сущность, форма существования которой науке пока остается неизвестной.

Если человек не умеет управлять своими мыслями, то порой они досаждают ему, как вредные насекомые. Такие признаки, как жужжать, жалить, надоедать, копошиться, представлены энтомологическим суб-

кодом. А признак множественности в лексемах *вши*, *мухи* и обобщающей лексеме *рой* проявляется еще ярче: *Мысли — как воши, их не сочтёши* (М. Горький, 1972). *...ее непременно засидят мухи мыслишек и вороны злорадства* (А.С. Грин, 1935). *... Скорбных мыслей смутный рой* (Д. Бедный: Русские поэты. Антология в 4 томах, 1968). Известно, что по своим нравственным качествам мысли могут быть хорошие, добрые, созидательные и плохие, злые, разрушительные. Их положительная или отрицательная энергия всегда направлена как вовне, так вовнутрь самого человека. А это значит, что мысль может воздействовать на наше физическое тело, укрепляя или разрушая его: *Вдруг злая острая мысль ужалила сердце, как овод* (Д.С. Мережковский, 1993). *Мысли, как злые осы, В ранки втыкают остья, С ядом, как ревность, древним!..* (Д. Глазов, 2020). Это знали наши предки, когда говорили: «Злая мысль на свою же голову падёт».

В то время как зооморфизмы в большинстве своем концентрируют в себе негативный заряд мысли, фитоморфизмы вербализуют её положительные признаки типа распускаться, расти, зреть. Фитоморфный (или вегетативный) код чаще представлен метафорами **мысль — цветок** и **мысль — плод**. У К. Паустовского находим сравнение мысли с цветком магнолии по признаку свежести, оригинальности, яркости: *... все мысли казались мне необыкновенными и свежими, как только распустившийся цветок магнолии на батумском бульваре* (К. Паустовский, 1968). В своем рассказе М. Пришвин, сравнивая свои мысли с земляникой, как бы наслаждается ростом результатов своего творчества, как можно наслаждаться вкусом лесной ягоды: *И у меня там ... земляничкой росли мои мысли и образы* (М. Пришвин, 1957). Итак, в результате того, что фитоморфный код является одним из универсальных способов описания для русской языковой картины мира, видим, как морфологические характеристики растения присваиваются концептам ментального мира человека.

Самым немногочисленным при метафорическом переосмыслении концепта **МЫСЛЬ** является код предметный, который в нашем исследовании представлен метафорами **мысль — нить, пряжа** и **мысль — ткань, сукно**: *И все думал, ежеминутно теряя нить своей мысли (она рвалась, как гнилая пряжа)...* (К. Паустовский, 1968). *Мысль эта могла бы тянуться, как шерстяная пряжа с прялки...* (В.В. Личутин, 2001). *Его мысли серы, как солдатское сукно* (А.И. Куприн, 1993). И прядение, и ткачество связаны с мифической космогонией, представлениями о развитии и таинственных явлениях, о жизни и смерти. Значит, снова метафора уводит нас в глубочайшую древность, отстоящую от нас на

многие тысячелетия, в мировидение наших далеких предков. Уже тогда сложилось представление о том, что богини — подательницы жизни и судьбы — это пряжи. Пряжами в славянском пантеоне богов были старшая из богинь Макошь и богини рангом ниже — Доля (Среча) и Недоля (Несреча). Макошь пряла судьбы людей и богов. Доля, молодая, красивая богиня, определяла назначение человека и при рождении наделяла его добродетелями. Недоля — старуха-нищенка болезненного вида, вплетала нить плохой судьбы, испытаний и горестей. Богини пряли каждая свою нить, свивая их затем в одну, складывая в узоры человеческой жизни (см., например: [Афанасьев, 1982, с. 363]). А человек — существо, наделенное способностью мыслить, проживает жизнь в мире своих бесконечных мыслей, хороших или плохих, «вяжет» этот мир сам: *А как славно-то, братицы, после испытания стужей залезть на лежанку и, уставясь глазами в низкий потолок, вязать **пряжу** бесконечных мыслей...* (В.В. Личутин, 2001).

Итак, нить — синоним времени, жизни, судьбы и мысли, ткань — это материя, материальный мир. Это метафора преобразования сущности, смерти и воскрешения в новом качестве. Нити образуют новую материю, значит, мысли материальны, бессмертны и способны преобразовывать мир.

Заключение

Произведения художественной литературы, так же, как и фольклор, пронизаны архетипическими образами, корни которых уходят глубоко в мифопоэтическое мышление и миропонимание наших предков. Эти образы сплетаются в коды культуры — уникальные культурные особенности, которые не осознаются их носителями, но на уровне генетической памяти волнуют писателей и поэтов, воздействуя на их художественное творчество, вербализуясь в метафорических конструкциях.

Как показало исследование, ментальный концепт *МЫСЛЬ*, преломленный сквозь метафорические сравнения русскоязычных авторов, презентуется посредством четырех основных кодов: космического, природного, биоморфного и предметного. Космический культурный код представлен двумя ярко выраженными метафорами *мысль — звезда (солнце)* и *мысль — космическая энергия*, передающими представление о космическом происхождении разума, о существовании разума вселенского. Метафора *мысль — вода* представляет природный культурный код и отражает признак постоянного движения, ясности/неясности мысли. Биоморфный код говорит о том, что в русском сознании мысль есть живая сущность. Чаще других здесь встречаются метафоры зооморфного кода *мысль — птица* и *мысль — насекомое*, при этом

авторы в таких сравнениях почти всегда используют множественное число существительных, подчеркивая тем самым способность мыслей прилетать в большом количестве, досаждать человеку. Фитоморфные метафоры **мысль — цветок** и **мысль — плод** отражают такие признаки мысли, как способность распускаться, расти, зреть. Самым немногочисленным, но самым ярким по мифопоэтическому окрасу является предметный культурный код с метафорами **мысль — нить (пряжа)** и **мысль — ткань**, где мысли-нити символизируют энергии, вплетающиеся в умственные и нравственные качества характера, и в своей совокупности влияющие на судьбу человека.

Таким образом, изучение и описание культурных кодов позволяет приоткрыть завесу «коллективного бессознательного» (по К. Юнгу), всегда ярко окрашенного в национальные тона.

Библиографический список

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 2.

Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1982.

Бондарева Е.П. Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М., 1991.

Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Вопросы языкознания. 2001. №1.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000 (Филология и культура).

Красных В.В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. М., 2003.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М., 2016.

Мяло К.Г. О русском идеале // Евразия. 1996. №1 (4).

Румянцева М.В. Внутренний мир человека в свете культурных кодов (на примере русского и казахского художественного дискурса) // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.

Чижевский А.Л. Теория космических эр // Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским. М., 1999.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas? // *Cognitive Linguistics* 1-1, 1993.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.

Источники

- Астафьев В. Царь-рыба: повествование в рассказах. СПб., 2018.
 Брюсов В. Огненный ангел. М., 2007.
 Гарин-Михайловский Н.Г. Студенты. Инженеры. М., 1977.
 Глазов Д. Мысли, как злые осы... URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/revnost/mysli-kak-zlye-osy.html> (дата обращения 21.06.2020)
 Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1953.
 Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. М., 1972. Т. 15.
 Грин А.С. Дорога никуда. М., 1935.
 Куприн А.И. Повести. М., 1993 (Русская классика о любви).
 Куприн А.И. Рассказы. М., 1983.
 Личутин В.В. Миледи Ротман. М., 2001.
 Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей). М., 1993.
 Паустовский К. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1968.
 Пришвин М. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1957.
 Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 1. Пруд : роман. М., 2000.
 Русские поэты. Антология в 4 томах. М., 1968.
 Русская проза первой половины XX века : в 2 т. М., 2003.

References

- Antologiya kontseptov*. [Anthology of concepts]. Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina. Vol. 2. Volgograd, 2005.
 Afanas'yev A.N. *Drevo zhizni: Izbrannyye stat'i* [The tree of life: Selected articles]. М., 1982.
 Bondareva E.P. *Aktualizatsiya kontsepta mysl' v russkoy yazykovoy kartine mira* [Actualization of the concept of thought in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2005.
 Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Edited by A.L. Yanshin. Moscow, 1991.
 Vorkachev S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an

anthropocentric paradigm in linguistics]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2001. No. 1.

Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002.

Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Russia: heritage in the word. Human World]. St. Petersburg, 2000.

Krasnykh V.V. *Predmetnyy kod kul'tury v russkom kul'turnom prostranstve* [The subject code of culture in the Russian cultural space]. In: *Rusistika na poroge XXI v.: problemy i perspektivy* [Russian Studies on the Threshold of the 21st Century: Problems and Prospects]. Moscow, 2003.

Maslova V.A., Pimenova M.V. *Kody lingvokul'tury* [Codes of linguistic culture]. Moscow, 2016.

Myalo K.G. *O russkom ideale* [About the Russian Ideal]. In: *Yevraziya* [Eurasia], No.1 (4); 1996.

Rumyantseva M.V. *Vnutrennyy mir cheloveka v svete kul'turnykh kodov (na primere russkogo i kazakhskogo khudozhestvennogo diskursa)* [The inner world of man in the light of cultural codes (on the example of Russian and Kazakh art discourse)]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. Humanitates]. Vol. 5. 2019. No. 3 (19). DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-3-52-65

Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2001.

Chizhevskiy A.L. *Teoriya kosmicheskikh er* [The theory of space ages]. In: *Aeroiony i zhizn'. Besedy s Tsiolkovskim* [Aeroions and life. Conversations with Tsiolkovsky]. Moscow, 1999.

Lakoff G. *The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-schemas?* *Cognitive Linguistics*, 1993. No. 1-1.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

List of sources

Astaf'ev V. *Tsar'-ryba: povestvovanie v rasskazakh* [Tsar-fish: narration in stories]. SPb., 2018.

Bryusov V. *Ognennyy angel* [Fire angel]. Moscow, 2007.

Garin-Mikhaylovskiy N.G. *Studenty. Inzheneriy* [Students. Engineers]. Moscow, 1977.

Glazov D. *Mysli, kak zlye osy...* [Thoughts like evil wasps...]. URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/revnost/mysli-kak-zlye-osy.html> (accessed 21.06.2020).

- Goncharov I.A. *Sobranie sochineniy v 8 tomakh* [Collected works in 8 vols]. Moscow, 1953.
- Gor'kiy M. *Polnoe sobranie sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya* [Complete collected works. Works of art]. Moscow, 1972. Vol. 15.
- Grin A.S. *Doroga nikuda* [The road is nowhere]. Moscow, 1953.
- Kuprin A.I. *Povesti* [Stories]. Moscow, 1993.
- Kuprin A.I. *Rasskazy* [Stories]. Moscow, 1983.
- Lichutin V.V. *Miledi Rotman* [Milady Rothman]. Moscow, 2001.
- Merezhkovskiy D.S. *Antikhris (Petr i Aleksey)* [Antichrist (Peter and Alexey)]. Moscow, 1993.
- Paustovskiy K. *Sobranie sochineniy* [Collected works.]. In 8 volumes. Moscow, 1968.
- Prishvin M. *Sobranie sochineniy* [Collected works.]. In 6 volumes. Moscow, 1957.
- Remizov A.M. *Sobranie sochineniy. Prud. Roman* [Collected works. Pond. Roman]. Vol. 1. Moscow, 2000.
- Russkie poety. Antologiya* [Russian poets. An anthology]. Moscow, 1968.
- Russkaya proza pervoy poloviny XX veka* [Russian prose of the first half of the 20th century]. In 2 volumes. Moscow, 2003.